

УДК 373.167.1:82
ББК 83.3я72
Л64

Авторы-составители:
Т. Ф. Курдюмова, С. А. Леонов, О. Б. Марьяна, Е. Н. Колокольцев

Под редакцией **Т. Ф. Курдюмовой**

В книге использованы иллюстрации *А. Пушкина* («Евгений Онегин»),
М. Лермонтова («Герой нашего времени»), *А. Агина* («Мёртвые души»)

Л64 Литература. 9 кл. : в 2 ч. Ч. 2 : учеб.-хрестоматия / авт.-сост. Т. Ф. Курдюмова, С. А. Леонов, О. Б. Марьяна, Е. Н. Колокольцев ; под ред. Т. Ф. Курдюмовой. — 5-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2018. — 333, [3] с. : ил. — (Российский учебник).

ISBN 978-5-358-20163-7 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-20161-3

Данный учебник-хрестоматия входит в УМК по литературе для 5—11 классов, созданный по единой программе литературного образования, составленной Т. Ф. Курдюмовой, и завершает этап литературного образования школьников.

Учебник-хрестоматия соответствует ФГОС основного общего образования, рекомендован Министерством образования и науки РФ и включён в Федеральный перечень учебников.

УДК 373.167.1:82
ББК 83.3я72

ISBN 978-5-358-20163-7 (ч. 2)
ISBN 978-5-358-20161-3

© ООО «ДРОФА», 2014

Литература XIX века

Н. А. Некрасов
И. С. Тургенев Л. Н. Толстой А. П. Чехов

Николай Алексеевич Некрасов 1821—1878

Любимейший русский поэт.
Представитель добрых на-
чал в нашей поэзии.

Н. А. Добролюбов

Николай Алексеевич Некрасов родился в местечке Немирове Подольской губернии, в семье капитана, бригадного адъютанта Алексея Сергеевича Некрасова и его жены Елены Андреевны, урождённой Закревской. Мальчику не исполнилось и трёх лет, когда отец вышел в отставку и поселился с семьёй в своём родовом поместье — селе Грешневе Ярославской губернии. Здесь, на Волге, прошло детство поэта, полное оскорблений, обид и горя. Отец его, человек крутого нрава и деспотического характера, не щадил ни своих дворовых, крестьян, ни домочадцев. Особенно глубоко страдала горячо любимая мать поэта, женщина большой души и высокой культуры. «Это было раненое сердце, раз на всю жизнь, и незакрывающаяся рана эта и была источником всей его поэзии» (Ф. М. Достоевский).

Очень рано началась тяжёлая борьба за право на самостоятельность. После пяти лет учения Некрасова в Ярославской гимназии отец решил отдать сына в военную школу — Дворянский полк. Но в Петербурге юноша, нарушив волю родителя, стал готовиться в университет. Разгневанный отец лишил его какой бы то ни было поддержки. Будущий великий поэт начал свою петербургскую жизнь без денег, без связей. В университет удалось поступить вольнослушателем, но было не до учения.

Некрасов брался за любую работу, ютился в подвалах, углах... и писал.

В 1840 году ему удалось издать первую книгу стихов «Мечты и звуки». Название сборника довольно точно выражает суть включённых в него романтических стихов, далёких от жизни, написанных под влиянием разных поэтов. Книга вызвала несколько полуодобрительных рецензий в журналах и резко отрицательный отзыв Белинского. Сам Некрасов обошёлся со сборником сурово: постарался скупить и уничтожить своё первое поэтическое детище. Поэт не принадлежал к тем, кто входил в литературу легко и сразу.

Начало 40-х годов для Некрасова — время тяжёлого литературного труда: рецензии, фельетоны, комедии и заметки, сказки и водевили. Его талант крепнет, его имя понемногу становится известным в литературных кругах.

Становлению Некрасова как поэта очень способствовало знакомство с Белинским в 1843 году. «Моя встреча с Белинским была для меня спасением», — говорил сам поэт. Сколь многим Некрасов считал себя обязанным этому человеку, видно хотя бы из того, что он позднее постоянно обращался к образу великого критика: в поэмах «Белинский» и «Несчастные», в стихотворении «Памяти Белинского».

Борьба с жизнью и обстоятельствами способствовала становлению характера писателя. В середине 40-х годов Некрасов — уже издатель нескольких альманахов. С 1847 по 1866 год поэт издаёт и редактирует журнал «Современник», основанный А. С. Пушкиным, а с 1868 года и до последних дней — «Отечественные записки». В «Современнике» публиковались Тургенев и Гончаров, Толстой и Островский, Герцен и Григорович, ведущими критиками журнала являлись Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Немало критических статей написано и самим Некрасовым. Становление его поэтического дарования закончилось к середине 40-х годов.

Писатель И. И. Панаев пишет в своих литературных воспоминаниях: «Литературная деятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особенного.

Белинский полагал, что Некрасов навсегда останется не более как полезным журнальным сотрудником, но когда тот прочёл ему своё стихотворение «На дороге», у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами в глазах: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!».

В 1856 году после семнадцати лет напряжённой работы вышла вторая книга стихотворений Некрасова. Характер книги как целого определялся вступлением, роль которого сыграло стихотворение «Поэт и гражданин». Чернышевский писал Некрасову: «Вы теперь лучшая, можно сказать, единственная прекрасная надежда нашей литературы... Ваши силы огромны».

Сборник 1856 года вышел в то время, когда в стране наступал новый общественный подъём. Одни ждали реформ, другие надеялись на революцию. В связи с этим особенно остро вставал вопрос о народе, его месте, значении, о сути народной жизни.

Особое место в лирике Некрасова занимает образ русской женщины. Даже классический образ Музы под пером Некрасова терял привычную символику, обретая реальные женские черты. Русская женщина является героиней многих стихотворений и поэм Некрасова, таких как «Мороз, Красный нос» — о судьбе русской крестьянки и «Русские женщины» — о подвиге жён декабристов.

Немало стихотворений поэта посвящено детям. Обращение к миру детства очищало душу от горьких впечатлений действительности.

Вершиной эпического творчества Некрасова явилась поэма «Кому на Руси жить хорошо».

Родина

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,

Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;

Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И неребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жёг...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой, и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот тёмный, тёмный сад... Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрашна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шёпот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдальницей безгласной
И горе, и позор судьбы её ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гáеров, ни слуг, —
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
Я слёзы лил о ней в тяжёлый сердцу час;
При имени её впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Её бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым —
Всему начало здесь, в краю моём родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен тёмный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьём,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих, чёрных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается лёгкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживёшь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдёшь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и чёрной и трудной
Отцветёшь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни — появится вдруг
Выражение тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец, Ненастьем и грозюю
Мой тёмный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу тёплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Вопросы и задания

- ▶ Какой теме посвящено стихотворение «Тройка»? С каким чувством поэт рассказывает о судьбе женщины?
- ▶ 1. Почему стихотворение «Тройка» называют «песней-романсом»?
- 2. Прочитайте стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом...», «Замолкни, Муза мести и печали!...». Какой образ Музы возникает в лирике Некрасова?
- ▶▶ 1. Ф. М. Достоевский отмечал, что «в поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим «новым словом». В этом смысле он... должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым». В чём, на ваш взгляд, заключалось «новое слово» Некрасова?
- 2. Какие новые темы зазвучали в творчестве поэта?
- 3. Какие новые герои введены в литературу Некрасовым?
- 4. К. Чуковский писал: «Природа никогда не существовала для Некрасова сама по себе, безотносительно к чело-

веческим скорбям или радостям... Пейзаж, как всегда у Некрасова, дан в сочетании с людьми». Покажите это на примере стихотворений Некрасова.

5. «После Пушкина и Лермонтова, — отмечал Бунин, — Некрасов не пошёл за ними, а создал свою собственную поэзию, свои ритмы, свои созвучия, свой тон...» Подтвердите это высказывание примерами из текстов стихотворений.

Иван Сергеевич Тургенев

1818—1883

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

И. С. Тургенев

С именем Тургенева для русского читателя любого возраста связано представление о классически совершенном языке, о стиле, который принято считать образцовым. Его мастерство сказывается не только в том, что он владеет безукоризненным слогом, но и в том, что он умел быть лаконичным, чётким и ясным, умел сочувственно изобразить горе и радость.

Что же сформировало человека такой душевной отзывчивости?

Иван Сергеевич Тургенев родился в одной из самых богатых на литературные таланты областей России. Спасское-Лутовиново — старинное барское имение в пятидесяти километрах от Орла. Это одно из самых красивых и поэтических мест России.

«Свой оркестр, свои певчие, свой театр с крепостными актёрами, — всё было в вековом Спасском», — пишет современница. Быт был строго регламентирован. Мать Тургенева Варвара Петровна (прототип барыни из рассказа «Муму») «старалась подражать коронован-

ным особам; крепостные люди её, исполнявшие ту или другую обязанность при ней, назывались не только придворными званьями, но даже фамилиями тех министров, которые занимали соответствующие должности при высочайшем дворе; так, например, дворецкий звался министром двора, и ему была придана фамилия тогдашнего шефа жандармов, генерала Бенкендорфа...».

Сам Тургенев рассказывал одному из знакомых: «Моя матушка была страстная любительница цветов — я нигде не видел таких тюльпанов, как у неё. Но всё это цветоводство сопровождалось самой ужасной жестокостью к садовникам. Их секли за всё и про всё. Конюшня была близка — я всё слышал. Как-то раз кто-то вырвал дорогой тюльпан. После этого всех садовников пересекли». Будущий писатель рос с чувством протеста против всякой несправедливости, с сознанием необходимости человеческих отношений между людьми.

Тургенев не был идеальным человеком: в молодости ему очень хотелось производить впечатление богатого дворянина, он любил модно одеваться, любил подшутить над друзьями, при этом не всегда безобидно, и всё же это был на редкость мягкий и доброжелательный человек. Умная и наблюдательная мать пользовалась этим свойством сына, которого по-своему, эгоистично, любила и, стремясь добиться подчинения, постоянно угнетала.

Возвратившись на родину после обучения в Германии, Тургенев решил посвятить себя литературе, для этого ему требовалась материальная поддержка матери. Варвара Петровна, хотя и не отрицала увлечения сына, но занятия литературой как профессией признать не могла. Отношения матери и сына кончились разрывом.

«Он умел мастерски скрывать своё положение, и никому в голову не могла прийти мысль, что по временам он нуждался в куске хлеба», — пишет один из близких друзей Тургенева, П. Анненков.

Человечность Тургенева ярко проявилась после смерти Гоголя. Несмотря на запреты, Иван Сергеевич написал некролог и был посажен под арест. Там, на Сенной площади, был написан рассказ «Муму».

История его творчества охватывает несколько десятилетий. Вершиной считают 1854—1866 годы. Это вре-

мя создания романов «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети» и повестей «Фауст», «Ася», «Первая любовь».

Творческая лаборатория Тургенева очень разнообразна и отражает его внимание к каждому слову и фразе. Об этом красноречиво говорит сам факт существования знаменитого портфеля эскизов, в который он долгие годы складывал самые различные словесные находки, не забывая и о фрагментах собственных писем. Ключки бумаги с различными записями не лежали там без движения — время от времени они включались в текст какого-то художественного произведения. Вот убедительный пример: абзац из письма, которое пролежало в его портфеле довольно долго, вошёл практически целиком в текст романа «Отцы и дети»: Павел Петрович — «...одинокий холостяк, вступал в то смутное, сумеречное время, время сожалений, похожих на надежды, надежд, похожих на сожаления, когда молодость прошла, а старость ещё не настала».

Для того чтобы в вашей памяти создался сколько-нибудь завершённый облик писателя даже после такого краткого очерка, вспомним один из драматических и трогательных эпизодов его биографии. На смертном одре Тургенев послал Льву Толстому последнюю просьбу: «Друг мой, вернитесь к литературной деятельности!.. Друг мой, великий писатель русской земли, внимайте моей просьбе!» Он написал это прощальное письмо, потому что было велико его чувство ответственности перед родной литературой и культурой.

В последние годы жизни Тургенев подарил своим читателям «Стихотворения в прозе». Самое знаменитое из них — «Русский язык». Слова из этого стихотворения вынесены в эпиграф нашего краткого очерка о писателе и его творчестве.

Тургенев умер под Парижем в Буживале. 9 октября 1883 года прах писателя прибыл в Петербург. Вокруг Волкова кладбища были расположены казачьи сотни, в похоронной процессии находились агенты охраны. Кладбище было наводнено полицейскими: правительство боялось беспорядков — Тургенев был вновь любимцем молодёжи.

Вопросы и задания

1. Какие черты Тургенева-человека вам запомнились? Каким вам представлялся писатель, когда вы впервые прочитали его рассказ «Муму» или другие произведения? Что изменилось сейчас в этом представлении?
2. Один журналист написал, что, по его мнению, судьбу писателя у читателей определяет та «толпа героев», которая сошла со страниц его произведений и живёт в их памяти. Кого вы могли бы вспомнить, чтобы создать «толпу героев» Тургенева?
3. В биографиях Тургенева очень часто используется итинерарий (указатель мест, которые посетил писатель). Как вы думаете, что даёт читателю знакомство с итинерарием Тургенева? Вспомните, у кого из русских писателей были самые богатые итинерарии.

Первая любовь

В сокращении

Посвящено П. В. Анненкову

I

Мне было тогда шестнадцать лет. Дело происходило летом 1833 года.

Я жил в Москве у моих родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, против Нескучного. Я готовился в университет, но работал очень мало и не торопясь. <...>

II

У меня была привычка бродить каждый вечер с ружьём по нашему саду и караулить ворон. К этим осторожным, хищным и лукавым птицам я издавна чувствовал ненависть. В день, о котором зашла речь, я также отправился в сад. <...>

В нескольких шагах от меня — на поляне, между кустами зелёной малины, стояла высокая стройная девушка в полосатом розовом платье и с белым платочком на голове; вокруг неё теснились четыре молодые человека, и она поочерёдно хлопала их по лбу теми небольшими серыми цветками, которых имени я не знаю, но

которые хорошо знакомы детям: эти цветки образуют небольшие мешочки и разрываются с треском, когда хлопнешь ими по чему-нибудь твёрдому. <...>

III

«Как бы с ними познакомиться?» — было первую мою мыслью, как только я проснулся поутру. Я перед чаем отправился в сад, но не подходил слишком близко к забору и никого не видел. После чаю я прошёлся несколько раз по улице перед дачей — и издали заглядывал в окна... Мне почудилось за занавеской её лицо, и я с испугом поскорее удалился. «Однако надо же познакомиться, — думал я, беспорядочно расхаживая по песчаной равнине, расстилавшейся перед Нескучным, — но как? Вот в чём вопрос». Я припоминал малейшие подробности вчерашней встречи: мне почему-то особенно ясно представлялось, как это она посмеялась надо мною... Но, пока я волновался и строил различные планы, судьба уже порадела обо мне. <...>

IV

В тесной и неопрятной передней флигелька, куда я вступил с невольной дрожью во всём теле, встретил меня старый и седой слуга с тёмным, медного цвета, ли-

цом, свиными угрюмыми глазками и такими глубокими морщинами на лбу и на висках, каких я в жизни не видывал. <...>

В это мгновенье другая дверь гостиной быстро распахнулась, и на пороге появилась девушка, которую я видел накануне в саду. Она подняла руку, и на лице её мелькнула усмешка.

— А вот и дочь моя, — промолвила княгиня, указав на неё локтем. — Зиночка, сын нашего соседа, господина В. Как вас зовут, позвольте узнать?

— Владимиром, — отвечал я, вставая и пришепётывая от волнения.

— А по батюшке?

— Петровичем.

— Да! У меня был полицмейстер знакомый, тоже Владимиром Петровичем звали. Вонифатий! не ищи ключей, ключи у меня в кармане.

Молодая девушка продолжала глядеть на меня с прежней усмешкой, слегка шурясь и склонив голову немного набок. <...>

— Что вы подумали обо мне вчера, мсьё Вольдемар? — спросила она погодя немного. — Вы, наверно, осудили меня?

— Я... княжна... я ничего не думал... как я могу... — отвечал я с смущением.

— Послушайте, — возразила она. — Вы меня ещё не знаете: я престранная; я хочу, чтоб мне всегда правду говорили. Вам, я слышала, шестнадцать лет, а мне двадцать один: вы видите, я гораздо старше вас, и потому вы всегда должны мне говорить правду... и слушаться меня, — прибавила она. — Глядите на меня — отчего вы на меня не глядите?

Я смутился ещё более, однако поднял на неё глаза. Она улыбнулась, только не прежней, а другой, одобрительной улыбкой.

— Глядите на меня, — промолвила она, ласково понижая голос, — мне это не неприятно... Мне ваше лицо нравится; я предчувствую, что мы будем друзьями. А я вам нравлюсь? — прибавила она лукаво.

— Княжна... — начал было я.

— Во-первых, называйте меня Зинаидой Александровной, а во-вторых, что это за привычка у детей (она